

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
ВЯЧЕСЛАВА ПЕТРОВИЧА
ВОЛГИНА

Веб-публикация:
Vive Liberta и Век Просвещения, 2010-2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1955

СОДЕРЖАНИЕ

Торжественное заседание	5
Академик А. Н. Несмеянов. Речь на чествовании академика В. П. Волгина . . .	11
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Научная и общественная деятельность академика В. П. Волгина	14
Библиография трудов академика В. П. Волгина	22
А. В. Кольцов. Перестройка деятельности Академии наук СССР в 1930—1934 гг.	36
—	
С. Л. Утченко. Проблема кризиса полиса в античной идеологии	49
Н. И. Голубцова. Идеологическая борьба в Риме на рубеже IV—V вв.	59
Член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке . . .	76
Член-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская. Идея равенства в учении маздакитов .	97
А. И. Неусыхин. Крестьянство и крестьянские движения в Западной Европе раннефеодального периода (VI—IX вв.)	102
Член-корр. АН СССР С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино	122
Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев. Проблема Возрождения в освещении ренессансных писателей и «просветителей»	130
М. М. Смирин. К вопросу о характере Великой крестьянской войны в Германии	141
Ф. А. Коган-Бернштейн. Борьба за национальный язык во французском гуманизме	156
К. Р. Симон. «Энциклопедия, разделенная на семь частей» Иоганна-Генриха Альштеда (1630 г.)	171
Академик М. Н. Тихомиров. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в.	181
В. Ф. Семенов. Восстание на севере Англии 1569—1570 гг.	190
Член-корр. АН СССР С. И. Архангельский. Движение крестьянской бедноты в графстве Норсемптон в первой половине XVII в.	205
Б. Ф. Поршнев. Народные истоки мировоззрения Жана Мелье	✓213
С. С. Сафронов. Политические и социальные идеи Мабли	✓238
Б. Г. Кузнецов. Ранние работы М. В. Ломоносова и общий характер научного мировоззрения XVIII в.	265
Академик А. М. Деборин. Социально-политическая доктрина физиократов . . .	283
В. С. Алексеев-Попов. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791 гг.)	299
М. М. Штрэнге. Отклики русских современников на события французской буржуазной революции 1789—1794 гг.	340
Ю. Я. Мошковская. Мировоззрение немецкого революционера XVIII в. Георга Форстера	353
И. С. Миллер. Воззвание Францишка Гожковского	365
Член-корр. АН СССР М. В. Нечкина. Декабристская «утопия»	376
М. А. Алпатов. Французские утопические социалисты и буржуазная теория классовой борьбы XIX в.	385
Е. Б. Черняк. Революционное движение в Англии в 1820 г.	413
К. Э. Кирова. Концепция итальянской революции в ранних работах Мадзини	432
Н. А. Ерофеев. Исторические взгляды чартиста О'Брайена	452
В. М. Лавровский. Русские революционные демократы о чартистском движении в Англии	466

И. А. Бок. Новые данные о пребывании Маркса и Энгельса в Лондоне в августе 1845 г.	479
Г. М. Ойзерман. К характеристике борьбы Маркса и Энгельса против воззрений К. Гейне	483
П. Е. Заславский. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте»	491
А. М. Мамк. Из исследований дискуссионного письма восстания парижских рабочих	519
Р. А. Азарх. Герцен и Чернышевский о борьбе немецкого народа за независимость в 1848—1849 гг.	529
С. Б. Кот. Начало мелкобуржуазной историографии германской революции 1848—1849 гг.	537
Н. Н. Замберфорд. Коммунистическое значение фюрерства	548
Член-корр. АН СССР Ф. В. Новиков. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в.)	570
Э. А. Давыдовский. Из истории рабочего и социалистического движения во Франции в 1848—1849 гг.	601
А. З. Манфред. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский	633
Б. Г. Дабер. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в.	643
Б. П. Ковалев. Социально-политические и философские взгляды В. И. Танеева (Из истории утопического социализма в России)	664
Э. К. Эдлер. Даниель де-Леон — идеолог анархо-синдикализма в американском рабочем движении	674
Член-корр. АН СССР Е. М. Жуков. Предсмертное письмо Котоку Дэндзиро (Из истории социалистической мысли в Японии)	690
Академик А. М. Панкратова. Пропаганда идей социализма среди рабочих России в 70—80-х годах XIX в.	702
Академик И. И. Минц. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию	738

Посвященное академику В. П. Волгину исследование академика В. В. Струве об исторических надписях шумерского реформатора Урукагины не смогло быть включено по причине большого объема в данное издание и будет опубликовано в «Вестнике древней истории».

Статьи из сборника и тематически связанные материалы
Вы можете найти в нашей библиотеке:
<http://istmat.info/vive-liberta>

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ПОЛИСА В АНТИЧНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Проблема полиса имеет решающее значение для правильного понимания основных закономерностей развития античного рабовладельческого общества. Это следует из того, что полис был специфической и вместе с тем универсальной формой экономического, политического и идеологического бытия античных обществ на определенной ступени их развития. Так же как без изучения специфики сельской (соседской) общины на Востоке нельзя понять историю подавляющего большинства древневосточных обществ, так без понимания природы городской (гражданской) общины, т. е. полиса, невозможно осмыслить историю античности. Полис — не только государственная или политическая форма, исчерпываемая выяснением специфики термина «город-государство», но гораздо более глубокое понятие, включающее в себя определение элементов базиса античного рабовладельческого общества. Именно так понимал природу античного полиса К. Маркс. В своей работе, которая, кстати сказать, все еще недостаточно используется советскими историками античности «Формы, предшествующие капиталистическому производству» Маркс придает исключительное значение роли города (полиса) в античных обществах. «История классической древности,— пишет он,— это история городов, но история городов, основанных на земельной собственности и на земледелии»¹. Уже эта формулировка показывает, что Маркс не склонен рассматривать античный город только как политическую форму. В другом месте он высказывается о природе античного города с не меньшей определенностью. Характеризуя античную форму собственности, он говорит: «Эта вторая форма собственности предполагает в качестве своего базиса (подчеркнуто нами.— С. У.) не земельную площадь как таковую, а город, как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников)»². И, наконец, Маркс подчеркивает, что «в античном мире город с принадлежащими ему землями является экономическим целым» (подчеркнуто нами.— С. У.), тогда как например у германцев (у Маркса это дано именно в качестве противопоставления!) таким экономическим целым является отдельное жилище.

Итак, античный город прежде всего «экономическое целое», базис античной формы собственности. Следовательно, понятие полиса неразрывно связано со спецификой античной формы собственности. Но, как известно, это прежде всего собственность на основное и главное средство производства того времени — на землю. Специфика же античной формы собственности состоит в том, что она выступает перед нами в противоре-

¹ К. Маркс *Формы, предшествующие капиталистическому производству* М., 1940, стр. 13.

² Там же, стр. 8

чивой двойной форме: как собственность общинная (государственная) и как собственность частная, но всегда так, что последняя опосредствована первой. Суть этого противоречия состоит в том, что в античном обществе необходимым условием частной собственности на землю была принадлежность к гражданской общине (т. е. к полису, *civitas*).

Отсюда вытекает, что экономической основой полиса следует считать производство свободных земельных собственников (и ремесленников), но отнюдь еще не рабов. Именно так мы и должны понимать еще одно указание Маркса относительно того, что именно мелкое крестьянское хозяйство и независимое ремесленное производство были экономической основой классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда общинные формы собственности уже разложились, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени¹. Таким образом, полис, хоть он и является гражданской общиной землевладельцев и рабовладельцев, покоящейся на античной форме собственности, все же существует еще в основном за счет эксплуатации труда свободного мелкого производителя. Расширение эксплуатации рабского труда, внедрение его в важнейшие сферы производства, превращение раба в основного производителя материальных благ общества (и неизбежно связанная с этим пауперизация свободного мелкого крестьянства) несовместимы с природой полиса. Поэтому развитие рабовладельческого способа производства приводит к кризису и разложению античного полиса.

Подобное понимание природы полиса резко отличается от существующих в буржуазной науке точек зрения на полис, где он рассматривается только как юридическая, в лучшем случае как государственно-правовая форма. Само собой разумеется, что наше понимание полиса отлично и от воззрений древних на этот вопрос, хотя для самих древних понятие полиса, *civitas*, всегда было более сложным, более глубоким, чем формальная и сухая правовая категория, хотя бы уже потому, что оно у них непосредственно связывалось с представлением об отчизне (*πατρίς*, *patria*), т. е. той общности (*societas*), которая объединяет граждан в единое целое, и с понятием о той сумме материальных и духовных ценностей, которые эту общность создают. Вот как это определяет Цицерон: есть много степеней общности людей. Так, например, людей объединяет общность языка и происхождения, но еще более тесной связью следует считать принадлежность к одной и той же гражданской общине (*civitas*). Ибо многое является здесь именно общим достоянием граждан: форум, святилища, портики, дороги, законы, права, суды, право голосования, кроме того, привычные обычаи и дружеские связи, а также взаимные дела и расчеты². Все это и создает ту общность, которую следует признать наиболее близкой и дорогой (*omnium societatum nulla est gravior nulla carior quam ea, quae cum re publica est uni cuique nostrum*) и которая есть не что иное, как государство, как родина, вмещающая в себе общие привязанности (*sed omnes omnium caritates patria una complexa est*)³.

Проблема полиса занимала исключительное место в античной идеологии, в системе политического мышления древних. Самый термин «политический», «политика», как известно, является производным от слова и понятия «полис». Полис — единственно возможное и единственно мыслимое средоточие государственной жизни, гражданских прав и привилегий. Только тот, кто приобщен к полису, — как правило, в силу своего рожде-

¹ См. К. Маркс *Капитал*, т. I, 1953, стр. 341, прим. 24

² *Cic. De offic.* I, 17, 53.

³ *Ibid.*, 17, 57

ния, а также владения недвижимой собственностью, — только тот и есть полноправный гражданин (*πολίτης*), и, как таковой, только он и может принимать участие в государственной жизни (*πολιτεία*).

Характерно, что политическое мышление древних греков, во всяком случае в «классический период», не вышло за рамки полиса. Любая умозрительная конструкция базировалась на представлении о государстве как полисе. Поэтому даже в своем наивысшем развитии, т. е. у Платона и Аристотеля, политическая мысль древности вращается в тех же пределах: идеальное государство Платона есть не что иное, как идеализированный полис, к тому же спартанского образца.

Существенное значение во всех построениях, связанных с проблемой полиса, имел принцип автаркии. Идеализированный полис Платона выступает перед нами как образец самодовлеющей и замкнутой (в политическом и экономическом отношении!) общины¹. Самодовлеющее существование государства было для Аристотеля главным признаком и основным условием государственного бытия вообще². Таким образом, в сфере идеологии полис отражен как некий идеал «совершенной автаркии»³.

Как уже сказано выше, развитие рабовладельческого способа производства неминуемо влекло за собой кризис полиса. В Греции этот кризис начинается в IV в. до н. э., в Риме — во II—I вв. до н. э. В сфере экономики кризис полиса характеризуется эволюцией античной формы собственности в сторону частно-рабовладельческой, т. е. все более независимым положением частнособственнических элементов во всей системе рабовладельческого хозяйства. Эта эволюция как в Греции, так и в Риме сопровождается аналогичными явлениями: концентрацией земель, пауперизацией свободного мелкого производителя, т. е. всем тем, что и создает условия для того, чтобы рабский труд овладел производством, что дает простор развитию рабовладельческого способа производства. В сфере же политической это приводит к замене самостоятельного (и самодовлеющего) полиса системой союзов, федераций, централизованных держав (военно-административные объединения), в которых постепенно самодовлеющее значение полисов сводится на нет. С этой точки зрения мы допускаем определенную ошибку, когда, изучая историю Греции в так называемую эллинистическую эпоху, мы часто продолжаем рассматривать ее как историю самостоятельных полисов, в то время как есть все основания рассматривать эти полисы уже не изолированно, но в системе македонской державы. Соответственно этому история Рима с III в. до н. э. должна изучаться как история римско-италийской федерации.

И, наконец, в сфере идеологии кризис полиса выражается прежде всего в крушении полисно-автаркистского идеала и в распространении своеобразных индивидуалистических и космополитических воззрений. Не случайно поэтому одним из наиболее крупных событий в идеологической жизни интересующей нас эпохи следует считать успех стоической философии, где подобные идеи нашли себе достаточно яркое воплощение. В этом смысле есть все основания расценивать стоицизм как идеологическую систему, отражающую новый этап в развитии античного рабовладельческого общества.

Остановимся на некоторых основных положениях стоической этики. Собственно говоря, стоическая логика и физика всегда в какой-то мере имели лишь служебное, вспомогательное значение, тогда как центр

¹ См. В. П. Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. АН СССР, стр. 58, 64.

² Arist. Pol., VII, 4, 7, p. 1326 a

³ См. П. И. Новгородцев. Политические идеалы древнего и нового мира, 1919, стр. 27 и сл.

тяжести учения стоиков лежал в этике. В свою очередь центральным понятием стоической этики был идеал мудреца, который в значительной степени рисовался стоиками в духе софистов и Сократа.

Мудрец — это совершенный человек, абсолютно свободный от влияния окружающей среды. Нормой его поведения является полное равнодушие, апатия (ἀπαθεία), т. е. отказ и воздержание от естественных влечений, переходящих надлежащую меру и таким образом превращающихся в аффекты (πᾶθος)¹. Мудрец несомненно испытывает влечения, но не дает им возможности превратиться в аффекты благодаря тому, что не считает предмет влечения ни злом, ни благом.

Единственное благо — сама добродетель, *μονὸν τὸ καλὸν ἀγαθόν*. Но добродетелью мудреца является разум (λογος), который в понимании стоиков тождествен природе (φύσις). Отсюда вытекает положительное определение норм поведения мудреца: *ἐμολογούμενος τῇ φύσει ζῆν*, т. е. жить сообразно природе, в соответствии с ее требованиями².

Единство и совершенство — существенный признак понятия добродетели, а также идеала мудреца. Отсюда следовал вывод, что этот идеал или достигается вполне, или не достигается вовсе. Этические ценности с точки зрения стоиков не имеют степеней и градаций³, поэтому нельзя быть добродетельным или порочным отчасти, но можно быть или мудрецом (воплощенная добродетель), или воплощением порока⁴. Следовательно, только добродетель и соответствующие ей действия (*καρτερύματα*) есть единственное благо, только порок и соответствующие ему действия (*σφαργήματα*) — единственное зло, все же остальное, что лежит между ними, безразлично (*ἀδιάφορα*).

Этот ригористический идеал мудреца, несомненно, выходил за рамки чисто этических воззрений стоиков и приобретал особый политический смысл и звучание. Самодовлеющий образ мудреца по существу означал победу своеобразных индивидуалистических тенденций (восходящих еще к софистам⁵), в том смысле, что идеальному коллективу граждан, т. е. идее самодовлеющего полиса, в сфере политического мышления противопоставлялся теперь идеал самодовлеющей личности. Отсюда безразличное отношение стоиков к таким формам общения и связи, как полис, государство, народ (они для них — *ἀδίσκορον*), и признание того, что естественное стремление человека к жизни в обществе должно осуществляться лишь в форме разумного общения всех людей. Племенные и государственные различия должны исчезнуть перед разумом, который всем людям дает одинаковый закон и право⁶. Таким образом, политическим *credo* стоического мудреца был своеобразный космополитизм, который значительно позже был сформулирован Сенекой: родина мудреца — в любом месте⁶.

Таковы основные положения стоической этики. Историческое значение развития подобных взглядов состоит в том, что они являются отражением кризиса полиса в области идеологии. Это сказывается прежде всего в отмеченном сочетании индивидуалистических тенденций со своеобразной концепцией античного космополитизма.

¹ H. von Arnim. *Stoicorum veterum fragmenta*, 4 vol. Leipzig, 1903—1905 1924, I n. 205, 209, III n. 223, 377, 380, 393, 401, 414, 443.

² Ibid., I n. 179, 552, 554, III n. 2 4 sq. 11, 13—16, 18, 29, 34, 75—78, 93, 197 sq.

³ Ibid., I n. 566, III n. 221, 524—540.

⁴ Ibid., I n. 216, III n. 657, 661—664.

⁵ Ibid., III n. 49—51, 54, 295, 305—307, 336, 548, 567, 582, 589, 671—674, 677.

⁶ Sen. ad Helv. 9 7, omnem locum sapienti viro patriam esse.

Видимо эти специфические черты и делали стоическую доктрину особенно привлекательной для идеологических запросов правящих групп римской средиземноморской державы. Однако этико-политическая доктрина старой Стои должна была подвергнуться некоторому смягчению, некоторому приспособлению к этим запросам (например, ригоризм идеала мудреца, смягчение индивидуалистических и космополитических тенденций!). Подобным «приспособлением» стоических воззрений к нуждам и запросам правящих кругов Рима и занялись представители так называемой средней (или римской) Стои.

Интенсивное проникновение эллинистической идеологии в Рим, как это естественно предположить, начинается с периода войн на Балканском полуострове. Эти влияния попали уже на подготовленную почву, ибо Рим как полис (*civitas*) вступил к этому времени в стадию кризиса. Таким образом, успех и распространение в Риме эллинистических культурных влияний и, в частности стоической философии, вовсе не результат «филиации идей», но в значительной мере факт внутренней истории Рима, обусловленный определенным уровнем социально-экономического развития самого римского общества.

Превращение Рима из маленькой земледельческой общины в итальянскую, а затем в крупнейшую средиземноморскую державу не могло не привести к кризису полисных форм. Выше уже было указано, в каких направлениях развивался этот кризис как в Греции, так и в Риме. Что касается идеологической жизни римского общества, то здесь мы можем констатировать отход от староримской полисной морали, утверждение новых морально-этических критериев и новых политических концепций.

Конечно, это был длительный и сложный процесс идеологической борьбы. Если верхи римского общества, т. е. определенные круги нобилитета, например Сципион, Фламиний и друг Панетия, римский стоик Рутилий Руф (консул 105 г.), переменявший гражданство и отказавшийся вернуться на родину, охотно шли навстречу эллинистическим влияниям и открыто объявляли себя «филэллинами», то в широких слоях римского населения существовала твердая оппозиция этим *nova flagitia*, как показывает деятельность Катона-старшего, осуществлявшего на посту цензора программу борьбы с разлагающими чужеземными влияниями под флагом восстановления *prisca mores*. Римское общество не автоматически и отнюдь не в порядке мирного и оплодотворяющего «влияния идей» восприняло новую идеологию, но творчески переработало ее, используя или отвергая определенные положения эллинистических философских и политических систем, иногда «приспосабливая» их к новым запросам, иногда внося в них творческий элемент, иногда ведя с ними упорную и жестокую борьбу¹.

Но как бы то ни было, конечная «победа» эллинистических влияний была победой над полисной идеологией. Наиболее ярко это можно проследить на основе анализа этико-политических воззрений римских стоиков, членов знаменитого сципионова кружка — Панетия и Полибия, которых мы можем считать, пожалуй, наиболее ранними провозвестниками новой «антиполисной» идеологии в Риме.

К сожалению, если говорить об этических воззрениях римских стоиков, то приходится ограничиваться лишь самыми общими соображениями. Произведения Панетия и, в частности, самое важное для нас в данном случае — «Περὶ τοῦ καθ' ἑαυτοῦ» — до нас не дошли, за исключением ничтожных фрагментов. Частично на основании этих фрагментов,

¹ Об этом подробнее см. С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952, стр. 57—70.

частично на основании первых двух книг трактата Цицерона *De officiis*, в которых автор, по собственному признанию, близко следует Панетию¹, мы все же можем составить некоторое общее представление об этике Панетия.

Очевидно, основной его задачей было стремление смягчить ригористический идеал мудреца старых стоиков, приспособив и приблизив его к нормам прикладной морали, более понятной для римлян. Есть все основания полагать, что в труде Панетия особое развитие получило идущее из недр старой Стои учение о так называемых «средних действиях», которые еще Зенон называл *καθ' ἑκαστον*.

Смягчение ригористического идеала мудреца сказалось в том, что теперь между совершенным человеком (мудрец) и глупцом ставится фигура человека стремящегося (*προκοπτων*), а между добродетельными и порочными действиями — надлежащий поступок (*το κατ' ἑκαστον*). Он относится к категории «средних действий» (*μέσα*), которые в нравственном отношении совершенно индифферентны, но как действия *κατὰ φύσιν* имеют некоторую относительную ценность.

Учение о *προκοπτων* и *καθ' ἑκαστον* уже давало возможность отойти от философски-сублимированного образа мудреца и выработать гораздо более реальный в римских условиях образ идеального гражданина (*vir bonus*), что и было сделано Цицероном в трактате *De officiis* на основе трансформированной Панетием старостойческой этики.

Кроме того, как указывал Диоген Лаэртий, Панетий говорит, что существуют две добродетели: теоретическая и практическая: *Παυχίτιος δυο φησιν ἀρετὰς θεωρητικὴν καὶ πρακτικὴν*², что тоже было чрезвычайно важно для выработки политического идеала *vir bonus*, тем более что уже и Панетий подчеркивал свое предпочтение *πρακτικὸς βίος* по сравнению с *θεωρητικὸς*³. Для римлян же и, в частности, для Цицерона само собой разумеется, что исследование истины — *θεωρία*, никак не должно отвлекать *vir bonus* от практических дел и обязанностей⁴ и правильное всего занятиям *θεωρία* посвящать время, свободное от общественно-политической деятельности (*otium*)⁵. Так трансформированный образ стоического мудреца ложится в основу уже новой римской концепции идеального гражданина (*vir bonus*).

Но если наши представления об этике Панетия весьма общи и поневоле ограничиваются вышеизложенным, то о политических концепциях римских стоиков мы можем судить более детально, имея в виду прежде всего воззрения Полибия. Остановимся здесь лишь на одном вопросе, который, на наш взгляд, наиболее ярко вскрывает «антиполисную» направленность этих воззрений, — на теории смешанного государственного устройства в той интерпретации, которая придается этой теории Полибием.

Как известно, теория смешанного государственного устройства разрабатывались еще древнегреческими философами. Еще Архит говорил о том, что наилучшее государственное устройство должно состоять из сочетания всех политических форм, а пифагореец Гипподам писал: «Законы будут особенно прочны в том случае, если государство имеет характер смешанный и составлено из всех форм государственного устройства», и

¹ Cic. ad Att. XVI, II, 4.

² Diog. Laert., VII, 92.

³ См. M. Pohlenz. Cicero *De officiis*. Leipzig—Berlin, 1934, стр. 24.

⁴ Cic. *De offic.*, I, 6, 19

⁵ Cic. *De rep.*, I, 9, 14.

затем он пояснял выгоды сочетания этих форм, т. е. царской власти, аристократии и демократии¹.

Наиболее отчетливо учение о смешанной форме государственного устройства было сформулировано Аристотелем. «Некоторые полагают,— говорит он,— что лучшее государственное устройство — смешанное из всех форм». И несколько далее: «Итак, кто думает, что следует соединять различные формы государственного быта, рассуждает правильнее, ибо государственное устройство, сложенное из многих других, действительно лучше»².

Затем Аристотель останавливается на исторических примерах, подтверждающих существование подобного смешанного устройства,— это прежде всего Спарта, затем Крит³ и Карфаген⁴; даже афинскому государственному строю эпохи Солона не чужд этот принцип⁵.

Последователем Аристотеля в этом вопросе, впервые приложившим учение о смешанном государственном устройстве к римской конституции, обычно считают Полибия⁶. Однако это и верно и не верно. Полибий, несомненно, исходил из учения Аристотеля и его предшественников, но нельзя представлять себе его интерпретацию теории смешанного устройства лишь как некое развитие и детализацию соответствующих взглядов Аристотеля. Наоборот, между воззрениями Аристотеля и Полибия на интересующий нас вопрос существует принципиальное различие. Если у Аристотеля и его предшественников теория смешанного государственного устройства еще не содержит в себе критики полисных форм и не направлена против полиса как такового, то уже в интерпретации Полибия она приобретает подобную направленность.

Таким образом, учение Полибия о смешанной форме правления есть новый и принципиально отличный от предыдущих этап развития этой политической теории, этап, отражающий в области идеологии исторически свершившийся факт кризиса полиса. Чтобы убедиться в этом, мы, не останавливаясь на изложении самого учения в целом, рассмотрим более подробно лишь некоторые его основные тенденции.

Это учение, — что и следует прежде всего отметить, — выросло из восторженного преклонения Полибия перед могущественной римской державой, которая утверждалась на его глазах и которая с точки зрения грека из аркадского полиса представляла собой небывалое и совершенно отличное от всех знакомых ему форм государственное образование. Это обстоятельство отмечается самим Полибием буквально в первых же строках его рассуждения о государственном строе Рима. Приписывая действию государственных учреждений военные успехи римлян, покоривших весь обитаемый мир и создавших величайшую державу, Полибий подчеркивает, что «раньше не было изобретено ничего подобного» (*ἡ πρότερον οὐχ εὑρίσκειται γέγονος*)⁷.

Поэтому учение Полибия о смешанном государственном устройстве в значительной мере определяется двумя характерными чертами:

¹ Stob. Flor., p. 251.

² Arist. Polit., II, 6, 17—18, p. 1265 в — 1266 а.

³ Ibid., II, 10, 6 p. 1272 а.

⁴ Ibid., II, 11, p. 1272 в — 1273 в.

⁵ Ibid., II, 12, 2 p. 1273 в.

⁶ См., например, С. Вехов. Сочинение Цицерона «О государстве», СПб., 1882, стр. 57 сл. Кстати, вопрос о Дикеархе как об одном из творцов теории смешанного устройства мы пока оставляем в стороне, так как известное место из Фотия, на которое опираются сторонники данного взгляда, едва ли может быть приписано Дикеарху.

⁷ Polyb., VI, 2(1), 3.

во-первых, отказом от каких-либо отвлеченных и умозрительных схем: идеальное государственное устройство рассматривается им как исторически данное, выраженное в римской конституции; во-вторых, критикой других типов государственных устройств (Афины, Фивы, проект идеального государства Платона), вплоть до тех, которые некогда считались образцами смешанного устройства (Крит, Карфаген и даже Лакедемон!), причем именно эта критика по своему содержанию и направлению имеет четко выраженный антиполисный характер.

Рассуждение о различных формах государственного устройства предваряется противопоставлением римского государства, вследствие его сложного и многообразного устройства (*διὰ τὴν ποικίλειαν τῆς πολιτείας*), всем эллинским государственным образованиям (*τῶν . . . Ἑλληνικῶν πολιτευμάτων*)¹. Уже подобное противопоставление, несомненно, свидетельствует об определенной тенденции автора, хотя истинный смысл его еще остается неясным.

Затем следует самое рассуждение о правильных и извращенных государственных формах² и об их круговороте³. Для нас в данном случае несравненно больший интерес представляет разбор ликургова законодательства, которое трактуется как образец смешанного устройства⁴. Вслед за этим обычно помещается знаменитое описание римской конституции, в которой Полибий, как известно, находит сочетание монархических (консулы), аристократических (сенат) и демократических (комииции) элементов⁵.

Уже из вышеизложенного напрашивается вывод о том, что в качестве идеальных образцов смешанного устройства Полибий имеет, собственно говоря, два эталона. Лакедемон и Рим. Однако следует обратить внимание на ту критику реально существующих государственных форм, которую, путем сравнения этих форм с римским устройством, дает Полибий в конце VI книги (*reipublicae Romanae cum aliis . . . collatio*). Без этого сравнения невозможно прийти к правильным выводам.

Оказывается, что фиванский и афинский государственный строй и учреждения не заслуживают даже серьезного разбора. Причиной краткокого возвышения Фив или Афин поэтому следует считать отнюдь не их государственные учреждения, но деятельность отдельных выдающихся личностей⁶. Остроумной критике подвергается также государство Платона как чисто умозрительное построение (идеальный полис!), никем и никогда еще не испытанное на практике⁷.

Но Полибий подвергает критическому разбору не только те государства, строй которых заведомо далек от смешанной формы правления, но и те, которые рядом древних авторов считались образцами смешанного устройства. Так, например, анализируя государственный строй критян, который Эфор, Ксенофонт, Каллисфен и Платон считали тождественным с лакедемонским, а потому достойным хвалы и одобрения⁸, Полибий доказывает, что критское и лакедемонское государ-

¹ Polvb 3 1—3

² Ibid, 4—5

³ Ibid, 5—9

⁴ Ibid, 10

⁵ Ibid, 11—18

⁶ Ibid, 43—44

⁷ Ibid 47 7—10

⁸ Ibid 45 1

ства построены на совершенно противоположных началах (παρὰ δὲ κρηταῖς οἱ πάντα τοῖς ὑπάρχει τῶνάντια)¹, указывает на недостатки критского устройства и приходит к выводу, что оно не заслуживает ни одобрения, ни подражания².

Наиболее близким к римскому (и лакедемонскому) государственному устройству оказывается карфагенское, которое некогда было прекрасным, ибо в нем сочетались все необходимые элементы смешанного правления³. Но к моменту Ганнибаловой войны Карфаген уже отцветал, его государственные учреждения разлагались, принцип взаимограничения властей был нарушен, причем самым опасным образом: в пользу демоса, толпы. Этим и объясняется конечное поражение карфагенян в войне и торжество над ними римлян⁴.

Итак, остается еще лишь один исторически данный образец смешанного устройства, который до сих пор выступал наряду с римским в качестве эталона, — лакедемонское государство, ликургово законодательство. Тем больший интерес поэтому представляет для нас критика ликурговой конституции, подробно развиваемая Полибием и при внимательном рассмотрении вскрывающая политическую сущность его концепции смешанного государственного устройства.

Начиная свое рассуждение о ликурговом законодательстве, Полибий отмечает, что оно обеспечивало единодушие и свободу граждан, внутреннюю прочность государства⁵. Равенство имуществ, простота образа жизни, всеобщая умеренность и благоразумие положительным образом влияли на частную жизнь граждан и предохраняли государство в целом от мятежей и междоусобиц⁶.

Таким образом, Ликург обеспечил безопасность всей Лаконике и длительную свободу ее гражданам. Но в его государственном устройстве есть один серьезнейший недостаток: он совершенно, видимо, не заботился о том, чтобы подготовить лаконское государство к гегемонии над другими. У него все построено на простоте и автаркии частной жизни граждан (δι' ἧς ὥσπερ καὶ περὶ τοὺς κατ' ἰδίαν βίους αὐτάσκεις αὐτοὺς παρασκεύασε καὶ λιτούς), но тогда, неизбежно, и общим принципом государства в целом должен быть тот же принцип автаркии и умеренности (οὕτως καὶ τὸ κοινόν ἔθος τῆς πόλεως αὐτάρκες ἐμελλε γίνεσθαι καὶ σῶφρον)⁷.

Но это не так, и Полибий дальнейшими примерами показывает, к каким печальным для самих же спартанцев результатам приводили их попытки, при столь неприспособленном государственном устройстве, установить свою гегемонию над эллинами⁸. Поэтому совершенно закономерным оказывается основной и главный вывод Полибия, что ликургово законодательство, т. е. лакедемонское государственное устройство, пригодно лишь для процветания замкнутой, самодовлеющей общины (... ὅτι πρὸς μὲν τὸ τὰ σφέτερα βεβαίως διαφυλάττειν καὶ πρὸς τὸ τὴν ἐλευθερίαν τηρεῖν αὐτάρχεις ἐστὶν ἡ λυκούργου νομοθεσία)⁹, если же народ или государство стремятся властвовать над другими и осуществлять

¹ Polyb., VI, 46, 1.

² Ibid., 11.

³ Ibid., 51, 1—2.

⁴ Ibid., 5—8.

⁵ Ibid., 48, 1—2.

⁶ Ibid., 3.

⁷ Ibid., 7.

⁸ Ibid., 49, 1—10.

⁹ Ibid., 50, 1.

гегемонию, то для этой цели лаконский государственный строй явно непригоден и бесспорно уступает римскому¹.

Таков основной вывод Полибия, и нетрудно убедиться, что он имеет достаточно четко выраженную антиполисную направленность, ибо, как это с полной очевидностью вытекает из восторженного преклонения Полибия перед римской державой, его уже не может удовлетворить государство типа замкнутой и самодовлеющей общины. Наоборот, в расчете на сохранение подобной замкнутости и состоит основной порок ликургова устройства и именно за это подвергает его своей критике Полибий. Это, таким образом, критика старого полисно-автаркистского идеала и пропаганда новой государственной формы, воплотившейся в римской державе. Таково политическое содержание и направленность учения о смешанной форме государственного устройства Полибия.

Возникновение и развитие подобных взглядов или учений, как уже указывалось выше, было лишь отражением в сфере идеологии объективных процессов кризиса полиса. Но поскольку кризис полиса в свою очередь был тесно связан с дальнейшим ростом рабовладельческих производственных отношений, выяснение классовой сущности идеологических течений данной эпохи и, в частности, теории смешанного устройства не представляет особых трудностей. Эта теория выражает прежде всего стремление правящих кругов римского общества создать аппарат господства и угнетения в наиболее приспособленной для новых условий форме — в форме государственного аппарата огромной территориальной державы.

Конечно, реализация подобной программы не могла привести к разрешению всех проблем, связанных с кризисом полисной системы, поскольку полис был универсальной формой не только политического, но и экономического бытия, но, во всяком случае, это была одна из самых насущных задач, стоявших перед правящим классом уже не полиса, но всего *imperium Romanum*.

¹ Ibid; 50, 3—4